

Давно намерал написать очерк о Председателе Совета Министров РСФСР Александре Владимировиче Власове. Считал это своим гражданским долгом.

Мне передали несколько рукописей воспоминаний о Власове, написанных его друзьями. Внимательно их прочитал. Все они имели одну общую особенность: в них совершенно справедливо отмечены выдающиеся деловые и чисто человеческие качества Александра Владимировича, но остался незамеченным трагизм его личности как типичного представителя поколения 30-х годов – детей войны.

Про себя могу сказать, что я любил этого человека. Анализируя мои отношения с ним и сравнивая их с данными мне текстами людей, которые подружились с А. В. в студенческие, а кто-то – в зрелые годы, неожиданно для себя сделал вывод: а я ведь непосредственно наблюдал Власова в самых разных ситуациях и почти на всех занимаемых им постах, начиная с Якутского обкома КПСС. И поэтому имею все основания объективно раскрыть его характер, показать его государственную значимость. Сразу надо оговориться: друзьями с А. В. Власовым не были, в гости друг к другу не ходили, с его семьёй я знаком не был. Но при этом между нами было какое-то особое уважительное отношение, вызывающее желание встречаться, беседовать, откровенничать. Эти отношения сложились не сразу, начались в Якутии и окончательно сформировались в Москве.

С момента нашего знакомства он всегда был моим начальником. Сначала – прямым и непосредственным, а затем – косвенным, стоя на ступенях служебной лестницы значительно выше меня. На излёте его жизни наше общественное положение практически сравнялось. Больше того, я внутренне себя ощущал более крепко стоящим на своих ногах, чем он, дезориентированный вихревыми изменениями в нашей стране.

Он этого и не скрывал. Иногда с горечью рассказывал о некоторых эпизодах, которые не понимал и логика которых просто не укладывалась в его голове. Не мог понять, например, как известные всей стране люди (государственные деятели!), не стесняясь его присутствием, делят очень приличные деньги, поступающие от американцев в виде какой-то помощи, фактически рассовывая их по своим карманам. И это при нём, щепетильная честность которого им была хорошо известна. Его крепкая психика буквально трещала, ломалась и, не в силах перестроиться, давала негативные сигналы важнейшим жизненным органам, которые слабели и разрушались. И он, здоровый, цветущий мужчина, постоянно сталкиваясь с волной негатива, который ломал

все его устоявшиеся убеждения, стал, попросту говоря, хиреть. Прилепиться и стали прогрессировать болезни: надоедные простуды, ранее относительно небольшие неприятности с почками начали превращаться в большую проблему, стало угнетать курение, которым он увлекался всю сознательную жизнь, привязался кашель, началось воспаление лёгких. Пришлось серьёзно лечиться.

Впервые мы встретились с Александром Владимировичем в 1965 году. Я – 28-летний заведующий отделом строительства Мирнинского горкома КПСС, малоопытный в партийных делах, он – 33-летний, месяц назад вступивший в должность второго секретаря Якутского обкома КПСС, опытный работник с десятилетним стажем во властных структурах. Власов сразу мне понравился: крепкая спортивная фигура, выше среднего роста, широкие плечи, красивое русское лицо, умные выразительные глаза, тёмно-русые волосы, волнами лежавшие на крупной голове, во всем облике – спокойствие и уверенность, голос – баритон. И ещё одна его характерная особенность: одет, как говорится, с иголки: модный костюм, белая рубашка, тщательно подобранный галстук, чисто выбрит. И это всегда, даже после различных фуршетов, банкетов, встреч и провожаний, дружеских ужинов, что было нередко в нашей работе.

Воспринимался А. В. поначалу как человек необычный и, казалось, – и это заметили многие, – слегка рисующийся, желающий произвести впечатление на окружающих. Впоследствии убедились, что это не наигрыш, а присущая ему манера общения. Немного позже я узнал, что Власов обладал многими талантами: почти профессионально играл на нескольких музыкальных инструментах, прекрасно пел, умел быстро устанавливать деловые контакты с любым человеком – эти навыки он, без сомнения, приобрёл ещё на комсомольской работе.

Под его председательством проходили заседания партийных штабов по строительству предприятий алмазной промышленности. Такие штабы были жизненно необходимы в наших краях. После ликвидации совнархозов на Севере и Востоке страны не существовало никакого управленческого органа на местах, координирующего деятельность подразделений, участвующих в строительстве. Например, в Якутии строительство вели подразделения тринадцати министерств и ведомств. Их руководство находилось, как правило, в Москве, за многие тысячи километров. И решение любого вопроса, даже не очень сложного, требовало немало времени. Такое же положение сложилось и в отношении промышленных предприятий. А алмазники ждать не могли, правительство устанавливало жёсткие сроки ввода фабрик в эксплуатацию, и их нужно было обеспечивать.

Партийные штабы помогали этому, а правильнее сказать – непосредственно организовывали выполнение постановлений партии и правительства. При этом им нередко приходилось принимать решения, выходящие за пределы компетентности партийных органов. Оформлялись они корректно, то есть как просьбы; например, записывалось: “Просить Министерство энергетики и электрификации СССР...”, далее следовала формулировка проблемы, указывался ответственный за исполнение – местный руководитель (как правило, член партии) и срок исполнения. И эти просьбы-поручения выполнялись неукоснительно и, что немаловажно отметить, воспринимались как должное. Власов образцово руководил партийным штабом: требовал докладывать коротко, решения принимал конкретные, за невыполнение спрашивал жёстко. Для многих участников таких заседаний это был как бы управленческий мастер-класс.

Постоянной заботой областной партийной организации являлся контроль хода выполнения производственных планов в промышленности, строительстве и на транспорте. Возглавлял и организовывал эту работу второй секретарь обкома А. В. Власов. Важной частью её было подведение годовых итогов. Непосвящённым кажется, что если существовали республиканский Госплан и Статуправление, то они и должны были давать итоговые цифры. В реальной жизни было не так. Отчёты, подготовленные этими государственными органами, не устраивали руководство республики. Причина была в том, что предприятия союзного и союзно-республиканского подчинения не все сведения о своей деятельности и не всегда сообщали местным органам.

А. В. Власов и его аппарат прекрасно знали положение на местах, деловой потенциал руководителей. Существенные трудности при подведении итогов

года были в строительстве. Отчёт о вводе в эксплуатацию производственных мощностей и гражданских объектов требовал особого отношения. К концу года на вводимых объектах, как правило, была масса недоделок, и формально принимать их в эксплуатацию было нельзя, так как они не могли быть задействованы с 1 января следующего года. Совет Министров СССР ввёл правило продлевать отчётный год на 15–20 дней. Это означало, что работы, выполненные за эти дни, можно было учитывать в счёт прошлого года. Проблема заключалась в том, что оформлять приёмку объектов в эксплуатацию следовало в текущем году, что требовало от участников строительства уверенности не только в собственных возможностях, но и в надёжности партнера – заказчика или подрядной организации. Все эти сложности сейчас, по прошествии десятилетий, смотрятся как надуманные проблемы. Однако они легко объяснимы: Центр хотел иметь отчётные показатели, соответствующие заданиям государственного плана, и поэтому шёл на эти ухищрения. Руководители на местах попадали в положение, вынуждающее их балансировать на грани очковтирательства.

У меня с Власовым на этот счёт бывали горячие разговоры. Помню случай в 1970 или 1971 году, связанный с отчётом о реконструкции Табагинского деревообрабатывающего комбината. Год заканчивался, шли последние дни декабря, а чтобы производственные мощности заработали, требовалось выполнить не менее 20% работ от запланированного объёма. Заказчик – директор комбината Н. Попов – категорически отказывался подписывать акт госкомиссии о вводе предприятия в эксплуатацию. Действительно, вводить было нечего: не только станки не работали, не был сделан даже бетонный пол в цехах. При этом подрядчик – Б. Фёдоров, начальник управления “Якуттяжстрой”, – написал гарантийное письмо, что все работы будут выполнены к сроку, на который был продлён отчётный год, и требовал от заказчика подписать акт ввода объекта в эксплуатацию.

Говорю Власову: “Александр Владимирович, зачем нам лезть на рожон, фактически заниматься обманом?” Отвечает: “Николай, ты не прав, Фёдоров сделает, что обещал. Ты думаешь, в других областях страны не такое же положение? Отчитываются там точно так же. Больше того, даже не в январе, а весь первый квартал отработывают недоделки прошлого года. И как мы будем выгладеть, если отчитаемся формально правильно, а по сути – глупо? Так что давай не спорить. И имей в виду, твоя задача – обеспечить выполнение гарантии Фёдорова. Хоть шкуру с него снимай, но чтобы работы были выполнены”.

Власов был частью системы, менять её, действовать не по установленным правилам, то есть грести против течения, он просто не мог. Но при этом во всех своих действиях он был руководителем с большой буквы. Современная наука управления трактует, что главное качество руководителя – это желание и умение принимать решения и в случае необходимости брать ответственность на себя. Этими качествами А. В. Власов обладал в полной мере. Нельзя сказать, что с ним было легко работать, но уверенность в его порядочности, верности слову создавала атмосферу делового комфорта и причастности к его команде. Случалось, что А. В. приходилось принимать решения, входящие в компетенцию Госплана СССР и Госснаб СССР, явно превышая свои полномочия. Но если это было нужно для пользы дела, и он был уверен, что это именно так, то смело шёл на риск, беря на себя немалую ответственность.

При всей жёсткости системы планирования, доходящей из Москвы буквально до каждого предприятия, допускались всё же явные несуразности. Например, при наличии возможностей у комбината “Якутлес”, принадлежащего Министерству лесной и деревообрабатывающей промышленности, полностью обеспечить потребности всех предприятий республики в деловом лесе и лесоматериалах, десятки организаций вели самозаготовки древесины, себестоимость которых в разы превышала затраты специализированного предприятия. При этом у “Якутлеса” даже при недоиспользовании его мощностей в конце года накапливались немалые объёмы нераспределённых лесоматериалов.

Власов принимает решение секретариата Якутского обкома КПСС о распределении нереализованной древесины, имеющейся у “Якутлеса”, по предприятиям, которые остро нуждаются в ней. Подписывает этот документ и, естественно, берёт ответственность на себя за все возможные последствия.

За семь лет работы в Якутии А. В. Власов хорошо изучил республику, прекрасно знал кадры руководителей и по достоинству их оценивал. За эти годы под его руководством подготовлен ряд постановлений союзного правительства

о развитии народного хозяйства Якутии. Они касались Южно-Якутского угольного комплекса, БАМа, золотой и алмазной промышленности, капитального строительства. Спустя много лет на постах Министра внутренних дел и Председателя правительства РФ он оказывал республике существенную помощь в решении её социально-экономических проблем.

Был у меня в отношениях с А. В. одни эпизод, о котором вспоминать не хотелось бы. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. После окончания аспирантуры Академии общественных наук при ЦК КПСС я был направлен решением секретариата ЦК КПСС в распоряжение Якутского обкома, который посылал меня на учёбу. Такой порядок существовал для всех аспирантов, завершивших учёбу. При этом редко для кого припасали должность, соответствующую его способностям и желаниям. Обычно человека назначали инструктором обкома на какое-то время, в течение которого подыскивали подходящую работу. Я очутился в таком же положении: инструктор строительного отдела обкома партии, квартиры нет, живу в гостинице, за что в месяц плачу 60 рублей, со мной всё семейство – неработающая жена и двое детей. Месячная зарплата – 330 рублей. Жить на эти деньги в 1970 году в Якутске семье в 4 человека – это значит влачить жалкое, практически нищенское существование.

Я заявил первому секретарю, что мириться с таким положением не хочу и прошу разрешить мне перейти на работу на стройку, хотя бы на должность начальника СМУ (а я на этой должности был уже 8 лет назад на Айхале в системе треста “Якуталмаз”). Ответ – категорическое “нет”, надо, дескать, подчиняться партийной дисциплине. Ещё и ещё раз говорил на эту тему с первым секретарём. Причём разговоры были резкие и нервные. В конце концов, я заявил, что работать в обкоме не буду.

Через пару дней меня вызывает А. В. Власов и говорит, что Г. И. Чиряев поручил ему провести со мной разъяснительную беседу, сообщить мне, что за невыполнение требований партийной дисциплины меня исключат из КПСС. Было заметно, что Власов чувствовал себя не очень удобно. Говорю ему: “Александр Владимирович, вы меня научите, как жить на такие деньги, да из них ещё и за гостиницу платить? И потом, я ведь не должность выпрашиваю, а хочу перейти на более трудную работу. Если за это надо исключать из партии – исключайте. Только что вы напишете в постановлении, за что исключать?” Власов спрашивает: “Ваше мнение окончательное?” Отвечаю: “Да”. – “Я могу его передать Г. И. Чиряеву?” – Подтверждаю: “Можете”.

Г. И. Чиряев вызвал меня на следующий день. Хмуро поздоровался, сообщил, что предоставил мне работу по совместительству в Якутском филиале Академии наук и дал команду финхозотделу компенсировать мне расходы на гостиницу. “Таким образом, у вас нет никаких оснований отказываться от работы в обкоме. – Да, – говорю, – оснований нет, буду работать”. Следует заметить, что совместительство в партийных органах запрещалось, и для меня первый секретарь пошёл на прямое нарушение. Через 2–3 месяца меня назначили заместителем, а вскоре – заведующим отделом строительства обкома КПСС.

Что интересно: с Г. И. Чиряевым в дальнейшем отношения оставались прохладными, официальными. А с Александром Владимировичем мы общались с этого момента как-то особо доверительно и уважительно, хоть и никогда не касались содержания того неприятного разговора.

С 1972-го по 1975 год Власов работал в ЦК КПСС инспектором и затем был направлен на должность 1-го секретаря обкома КПСС в Чечено-Ингушетию.

Работая в Москве, по делам службы я приезжал в Грозный в командировку в 1977 году. Нужно было подготовить принципиальное решение о сооружении спортивной базы на озере Казеной-Ам для тренировки космонавтов и спортсменов высшей квалификации. Это озеро, расположенное в среднегорье, было настоящей жемчужиной: глубоководное, с чистой водой, окружённое горами, обеспечивающими благоприятный климат без резких колебаний температуры. Встретились с Власовым. Обком находился на центральной площади в здании, которое впоследствии стало известно всему миру, как дворец Дудаева. Бои за этот дом в 90-е годы показывали все каналы телевидения. В аппарате обкома мне рассказали, что в 1975 году, когда Власов прибыл в Грозный, центральный вход в здание был закрыт, ходили через дверь во дворе, все окна первого этажа были заложены мешками с песком – готовились к отражению нападения.

В этой сложной национальной республике давно существовало правило, что партийный лидер был всегда русский. До Власова это был С. Апраткин. При нём, по выражению Власова, случилась националистическая буза. Никаких сообщений в СМИ по этому поводу не было. В то время руководство страны не беспокоило народ по таким “пустякам”. Дело шло к открытому вооружённому столкновению оппозиции с властями.

ЦК принял срочные меры: освободил от работы С. Апраткина и направил на это место А. В. Власова. В ЦК не ошиблись, они знали, что Власов был опытным и смелым человеком, но при этом осторожным, неторопливым и внимательным к людям. Противники власти в республике выжидали, наблюдали за действиями нового руководства. Из доклада заведующего финансово-хозяйственным отделом Власов узнал, что обком имеет дачи и что в них никто не живёт, боясь террористов. Дал команду, чтобы на следующий день перевезли его вещи на одну из дач, и стал жить там, а не в городской квартире. Ходил по городу без охраны. Посещал предприятия, научные, проектные организации, вёл прямой разговор с народом. Это понравилось, было оценено по достоинству. Люди на Кавказе особо уважают смелых мужчин. Назревший в обществе конфликт довольно быстро был погашен. Правда, мог случиться некоторый сбой: жену Александра Владимировича, ходившую по городу также без охраны, чуть было не выкрали. С тех пор около неё всегда был телохранитель. Власов проработал в республике 9 лет, до 1984 года. Немалый срок. Оставил о себе добрую память. О нём с большим уважением спустя много лет отзывались люди, с которыми мне приходилось встречаться по самым разным делам.

Например, в 2006 году в Академии народного хозяйства при правительстве Российской Федерации я случайно познакомился с бывшим директором Института цен в тогдашней Чечено-Ингушетии. Спросил его, знал ли он А. В. Власова. Отвечает, что знал, не раз встречался с ним, а затем – буквально восторженная характеристика А. В. Власова как руководителя и человека. Народный артист СССР известный танцор Махмуд Эсамбаев в одном из интервью вспоминал: “Самым лучшим руководителем республики был секретарь обкома партии Александр Владимирович Власов. Сибиряк, русский парень, он десять лет был секретарём, построил город, в него был влюблён весь наш народ. Чеченцы и ингуши до сих пор называют Александра Владимировича Власова “последним нормальным политиком на Кавказе”. Родившись в Бурятии, Александр Владимирович Власов, как никто другой из руководителей страны, понимал тонкости “национального вопроса”.

В 90-е годы, когда в Чечне полыхала война, ельцинское руководство лихорадочно искало руководителя, который способен был бы уладить вооружённый конфликт. Обратились к Власову, зная о его успешной работе в Чечено-Ингушетии и способности погасить радикальные националистические всплески.

А. В. категорически отказался. Объяснил честно и прямо, что не верит в поддержку руководства. Мне же пояснил, что ельцинское окружение продало бы его “с потрохами” боевикам. Впоследствии, как известно, случилось, что о каком-либо серьёзном мероприятии, намечаемом руководством РФ, чеченские боевики узнавали раньше, чем командование наших войск. Таким образом, правильно зная решения А. В. Власова подтверждалась неоднократно.

После Чечено-Ингушетии, поработав два года первым секретарём Ростовского обкома КПСС, в 1986 году А. В. Власов по решению Политбюро ЦК КПСС был назначен министром внутренних дел СССР.

Деятельность А. В. на посту руководителя МВД была отмечена рядом серьёзных результатов. Предыдущий министр Федорчук оставил тяжёлое наследие: из МВД ушли многие профессионалы, в аппарате министерства вместо деловой атмосферы были нервозность и неуверенность. А. В. сумел за короткий период многое изменить к лучшему. В этом помог ему, без сомнения, многолетний опыт работы с людьми в комсомоле и партийных органах. Быстро разобрался в главном и сделал упор в работе милиции на совершенствование службы участковых, стоящих ближе всех к народу, по деятельности которых люди фактически оценивали работу всей милиции. С именем Власова непосредственно связано создание милиции особого назначения (ОМОН).

После назначения А. В. Власова министром и присвоения ему звания генерал-лейтенанта я поздравил его по телефону и сказал, что сначала воспринял это с некоторым недоумением. Казалось, в этом назначении нет логики.

Но, подумав немного, решил, что всё правильно, именно такие кадры и должны руководить милицией. Александр Владимирович вежливо поблагодарил меня, а через некоторое время, когда мы встретились в Якутском постпредстве, сказал: “Знаешь, ты не один так рассуждал. Многие говорили, что сначала удивлялись, а потом приходили к мысли, что всё правильно, ошибки в этом назначении нет”.

В “милицейский” период работы Власова мы с ним как-то неожиданно сблизились. Он приглашал заходить к нему на работу примерно так, как вежливые хозяева говорят уходящим гостям: “Заходите, не стесняйтесь”, — при этом не указывая конкретной даты. Что-то меня подтолкнуло однажды позвонить ему. Поздоровался и говорю: “Александр Владимирович, заеду я к вам? — Что, дело какое-то? — Да нет, — говорю, — поболтать за жизнь. — Заезжай, только не раньше двадцати”. Приехал, меня встретил дежурный и проводил к министру. Оказалось, что Власов не случайно согласился на мой визит, ему нужен был свежий, незаинтересованный человек из народа, который со стороны оценил бы его решения. Первый раз проговорили около часа, причём я, в основном, слушал, а говорил он. Отправил меня домой на дежурной машине со спецсигналом.

Всего, таким образом, мы встречались в его кабинете раза три-четыре. Я даже стал посмеиваться: “Вы, Александр Владимирович, отрабатываете на мне свои решения?” Он, также смеясь: “А что, разве это плохо?” Мне кажется, что он видел во мне как бы отдушину, возможность поговорить, не обдумывая каждое слово, что он делал на работе с утра до вечера и изо дня в день. Это был, в какой-то мере, вид отдыха, возможность отвлечься от очень трудных проблем.

С назначением Александра Владимировича Председателем Совета Министров РСФСР наши встречи прекратились. Виделись иногда в постпредстве Якутии по большим праздникам. Соратники А. В. по работе в правительстве отмечали, что он достойно и эффективно выполнял высокие обязанности премьера, быстро познакомился с аппаратом и с проблемами, которые нужно было решать безотлагательно. Немаловажно заметить, что дом правительства, известный всем как “Белый дом”, был введён в эксплуатацию именно в период его премьерства.

Драматически сложились выборы руководителя Верховного Совета РСФСР на I съезде народных депутатов России в 1990 году. Они стали прологом к трагедии, постигшей наш народ в годы правления Ельцина. Свидетельствует И. Зарубин (друг А. В. Власова со студенческих лет, в то время — Управляющий делами СМ РСФСР): “Накануне съезда в ЦК КПСС собрали всех секретарей крайкомов и обкомов партии и председателей Советов автономных республик, крайсполкомов и облисполкомов России. Председательствовал на совещании сам Горбачёв. Обсуждались вопросы будущего руководства РСФСР, а точнее, кто возглавит Верховный Совет, кого выдвигать Председателем Правительства. В то время такая коллективная позиция была крайне необходима, чтобы единым фронтом выступить на съезде и не допустить анархии. Было решено Председателем Президиума Верховного Совета выдвигать и поддерживать А. В. Власова, Председателем Правительства рекомендовать Горшкова Л. А., работавшего тогда заместителем Предсовмина”.

Спустя несколько лет А. В. рассказывал мне, что накануне выдвижения на съезде кандидатур для голосования на роль Председателя Президиума Верховного Совета ночью ему позвонил Горбачёв и попросил снять его кандидатуру. Дескать, целесообразно выдвинуть на этот пост И. К. Полозкова, первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС. Подавив внутреннее сопротивление, Власов согласился.

И. Зарубин: “...при формировании кандидатур на пост Председателя Президиума Верховного Совета, как ранее было коллегиально согласовано, Власов А. В. был выдвинут в список для тайного голосования. Началось персональное обсуждение. Дошли до Власова. Александр Владимирович, к изумлению всего зала, и союзников, и противников, вышел на трибуну и снял свою кандидатуру. Это был неоценимый подарок оппозиции. Полозков был включён в список. При тайном голосовании никто, ни Ельцин, ни Полозков, ни ещё 5 кандидатов не набрали нужного большинства”.

Утром следующего дня Горбачёв появился на съезде и своё выступление посвятил жёсткой критике Ельцина, тем самым фактически оказав ему услугу.

В тот же день он улетел в Канаду и с борта самолёта дал поручение одному из секретарей ЦК КПСС поговорить с Власовым, чтобы он при повторном формировании списка кандидатур на пост Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР выдвинул свою кандидатуру. Власов согласился выполнить и эту просьбу Генсека. Надо сказать, что положение А. В. в обоих случаях было труднообъяснимым: в первом, когда он снял свою кандидатуру, которая была рекомендована не лично Генсеком, а представителями партийно-советской элиты, и во втором — когда он по устному указанию Горбачёва, переданному через посредника, снова выдвинул свою кандидатуру на пост Председателя. Оба раза он, следуя партийной дисциплине и этике, не ссылаясь на указания Горбачёва, а озвучивал сочинённые им аргументы, которые ни в коей мере не показались убедительными народным депутатам. И даже в такой непростой ситуации, которая на 100 процентов была использована его противниками, он набрал всего на 68 голосов меньше Ельцина.

Никто не сомневался, что при первом голосовании А. В. Власов мог легко набрать большинство голосов и был бы избран главой РСФСР. Сторонники Власова называют поведение Горбачёва предательским. Это вряд ли стоит оспаривать. Но действия самого А. В. Власова ни в коей мере нельзя назвать правильными. На мой взгляд, он не должен был снимать свою кандидатуру с голосования по указанию Горбачёва, поскольку оно отменяло коллегияльное решение и, по сути дела, было незаконным. А незаконные приказы не должны исполняться даже в армии. Поведение А. В. мне было непонятно. Однако его поведение логично вписывалось в существовавшую в то время концепцию управления. Абсолютное большинство партийных руководителей не были современными политиками в полном смысле этого слова. Ведь, в конце концов, политик не тот, кто занимает политический пост, политик — борец за власть.

В этом смысле не политиком оказался и А. В. Власов, как и многие другие партийные и советские функционеры на всех уровнях управления. За многие годы советской власти демократический централизм — подчинение меньшинства большинству, — строжайшее соблюдение партийной дисциплины и недопущение инакомыслия выхолостило из руководящих работников желание проявлять инициативу. Партийные руководители разучились бороться. Они за многие десятилетия были приучены “проводить в жизнь линию партии”, всего лишь разъясняя её, а не в равной борьбе с несогласными. Ораторское искусство не требовалось, тексты выступлений, даже не очень значимых, можно было читать по бумажке. Редчайшие возражения диссидентов тут же подавлялись всей мощью партии и государства.

Каждый начальник чувствовал за спиной мощь системы, которая в обиду не даст. Она сама могла обидеть кого угодно, но чтоб до этого не доводить, не надо ей противоречить, и всё будет в порядке. И вдруг эта система рухнула, и чтобы остаться на плаву, стало нужным иметь собственную программу, уметь хорошо говорить, побеждать откуда-то взявшихся оппонентов, завоевывать голоса избирателей. А всё это партийная номенклатура или совсем не умела, или делала это значительно хуже, чем демократы, не избалованные властью.

Характерный пример. На III съезде народных депутатов СССР А. Собчак, который пользовался любой возможностью обратить внимание публики на свою персону, выступил с репликой: “У нас здесь присутствуют якут товарищ Власов и адыгеец товарищ Воротников. Я совершенно не против якутов и адыгейцев, но я категорически против того, чтобы москвичи представляли якутов и адыгейцев в союзном парламенте”. В зале хохот, Собчаку аплодируют: как он ловко поддел этих партократов! Почему Власов — “якут”, я знал прекрасно, он имел не только формальное, но и моральное право избираться от Якутии.

В то время заседания съездов транслировались в прямом эфире, и я, как и миллионы зрителей, видел это “вживую”. И Воротников, и Власов промолчали. Через несколько дней я спросил А. В., а что же вы не ответили этому фигляру, вам же было что сказать? “Да ну его, чего с таким связываться? — Да как же так, перед всей страной вы же выглядели смешно, а Собчак набрал себе очередные очки? — Кому надо, тот знает, почему я баллотировался от Якутии, а остальное — неважно”.

Я сказал ему, что он ошибается, Собчаку нужно было отвечать. Власов смолчал и пожал плечами. И уже тогда, в период последних потуг перестройки,

приходилось наблюдать, как опытные партийные кадры, за редким исключением, сходили со сцены без всякого сопротивления. Их место нередко занимали беспринципные крикуны, поднаторевшие в словесных баталиях или на профессорских кафедрах, или на многочисленных собраниях избирателей.

И ещё один нюанс надо учитывать для понимания поведения Власова в этот ответственный период нашей истории. Власов был скромен, я бы даже сказал, что болезненно скромен. За всю свою деловую карьеру он никогда ничего и ни у кого не просил для себя. И когда вопрос касался лично его, он не мог настоять на решении в свою пользу. Можно упрекать его в этом, говорить, что дело не в его персоне, а в решении судьбоносного, принципиального государственного вопроса. Всё это так, но мне представляется, что эта черта его характера в какой-то мере помешала ему игнорировать просьбу Горбачёва. К слову сказать, когда дело касалось государственных интересов, Александр Владимирович был жёстким и принципиальным. В бытность министром внутренних дел СССР он неоднократно категорически отказывал Горбачёву и Лигачёву применять внутренние войска для разгона демонстраций, организуемых Ельциным. Хорошо понимал последствия таких действий и поэтому заявил, что без письменного решения Политбюро эти указания выполнять не будет. Как известно, Политбюро по этому вопросу решения так и не приняло.

После неудачи с выборами на пост председателя Верховного Совета Власов стал работать заведующим социально-экономическим отделом ЦК КПСС. Это был недолгий период. Однажды мы встретились, Александр Владимирович был, как всегда, аккуратно одет, причёсан, подтянут. Но блеска в глазах, энергии уже не было. Спокойно, как-то даже отрешённо рассказал нескольким товарищам, его старым знакомым, в том числе и мне, о сути работы отдела в рыночных условиях. Его тезис о том, что отдел должен научиться зарабатывать деньги для партии, вызвал у меня молчаливый протест. Не стал возражать, хотя считал это утверждение неправильным. Ошибочность своей позиции вскоре понял и сам А. В., так ничего и не заработав для КПСС. Отдел просуществовал недолго, так как после августовского путча 1991 года КПСС была распущена.

Но попыток активно работать Александр Владимирович не оставлял. С 1994 года возглавлял региональную общественную организацию "Иркутское землячество "Байкал". Вместе с Ю. Д. Маслюковым, бывшим председателем Госплана СССР, и рядом работников подобного калибра (бывшие министры, заместители министров) организовал торгово-промышленную компанию. Просуществовала она немногим более года. Дело не заладилось. Очень недолго А. В. возглавлял некоммерческую организацию – "Ассоциацию внешнеэкономических организаций России". В неё входило наряду с другими внешнеторговое объединение "Машиноэкспорт", в здании которого был размещён офис Власова. В то время мой сын работал советником генерального директора "Машиноэкспорта", и поэтому мне довелось несколько раз встречаться и дружески беседовать с А. В. в его офисе на Мосфильмовской улице.

К 1996 году, когда почти вся страна вдоволь наелась "рыночных благ", когда рейтинг главного преобразователя и реформатора Б. Ельцина снизился до нескольких процентов, стало ясно, что выборы президента России в этом году вряд ли принесут ему успех. Ожидалось серьёзное противостояние коммунистов и демократов. Коммунисты были ещё сильны. 19-миллионная партия не могла ведь исчезнуть бесследно, да и идеологию, господствовавшую многие десятилетия, в одночасье переделать было невозможно.

Зюганов, возможно, не был самой сильной кандидатурой от коммунистов. Немало работников-партийцев было более подходящими и по биографии, и по деловым качествам. Из них самой удачной кандидатурой, как мне представлялось, являлся А. В. Власов.

И вот, ни с кем не советуясь, я решил переговорить с Александром Владимировичем об участии его в выборах президента России в качестве кандидата. Не сомневался, что в случае его согласия все организационные вопросы, с этим связанные, успешно решим. Были для этого и необходимые знакомства, и опыт. Посчитал, что отказа не будет, и то, что до сих пор его не выдвинули кандидатом – просто недоразумение.

Встретились, я стал излагать свои аргументы. Он слушал молча, односложно отвечая на вопросы. А я рассуждал: "Кавказ, Ростов-на-Дону и в целом юг России за вас проголосуют?" Отвечает уверенно: "Да". "Области за

Уралом, Сибирь, Север, Восток? — Думаю, что да, проголосуют. — Москва, Центр, Европейский Север? — Здесь, пожалуй, фифти-фифти. — МВД? — Сто процентов. — А армия? — Думаю, что да. — Так это гарантированная победа, Александр Владимирович”.

Помолчали немного, потом тусклым голосом Власов сказал: “Понимаешь, Николай, болен я здорово. Одной почки нет. Мне ведь уже предлагали участвовать в выборах, ты не первый. Я отказался”. Что здоровье у него пошатнулось, я знал. Вся жизнь крепкий, как дуб, за многие годы ни одного больничного листа, а что в таком возрасте стал прихварывать, так что в этом удивительного, годы-то не молодые. Я подготовился к разговору на эту тему. Убеждаю его: “Александр Владимирович, вы знаете, наверно, что Конрад Аденауэр стал канцлером ФРГ в 1949 году в возрасте 73 лет. А ведь он дважды арестовывался гестапо как противник режима и сидел в тюрьме. А это ведь не курорт, наверняка повредил здоровье. Проработал на этом посту 14 лет. Умер в 91 год. Вы на допинге власти проживёте не меньше. Страну надо спасать, Александр Владимирович, Россию. Сами видите, что творится. Команду соответствующую подберём. Людей подходящих для этого много”.

Смотрю, у него глаза засветились. “Знаешь, что, — говорит, — я подумаю. Давай встретимся через три дня”. Три дня на эмоциональном подъёме я писал соображения к его выборной программе и чисто организационным задачам. Кое-какой опыт проведения подобных мероприятий у меня имелся. Исписал аж две школьные тетради. Через три дня встретились. Александр Владимирович сухо, твёрдо, потупясь, сказал: “Я подумал. Это невозможно. Я всё-таки серьёзно болен. Откажет почка — и конец. Боюсь подвести команду”. Понял, что уговаривать нет смысла. В таких делах, если нет огня, горения, успеха не добьёшься. Простились скучно. Позже я себя корил, что, не зная действительного положения дел со здоровьем А. В., мысленно осуждал его за отказ от участия в президентских выборах. Только спустя годы понял, что в этом эпизоде Власов проявил в очередной раз присущие ему высокую порядочность и ответственность. Все оставшиеся ему годы жизни он серьёзно болел и непрерывно лечился. И, конечно, он ясно представлял, что огромную нагрузку первого лица в государстве ему уже не осилить, несмотря на “допинг власти”, о котором я ему говорил. Как-то, узнав, что Власов в больнице, позвонил ему, поговорили. Оказалось, что ко всем его бедам добавилось ещё и воспаление лёгких. Скончался Александр Владимирович в 2002 году. Бывшего Председателя Совета Министров России упокоили на Троекуровском кладбище.

Иногда думаю, а что было бы, стань А. В. Власов президентом России? Какую бы политику он проводил? Даже хорошо зная человека, ответить уверенно на эти вопросы трудно, уж слишком от многих обстоятельств зависит поведение лидера страны. Однако твёрдо знаю, чего бы точно не было в нашей жизни. Не было бы чеченской войны. При умении Власова улаживать конфликты и уважительном отношении к мнению народа она бы просто не возникла. Не было бы грабительской беспардонной приватизации. Бессребреник и убеждённый государственник, Александр Владимирович никогда бы не благословил разграбление народной собственности жуликоватыми дельцами. Но, увы, как известно, история сослагательного наклонения не имеет.

Друзья А. В. Власова, находившиеся рядом с ним в последние месяцы и дни его жизни, были поражены бесстыдством и наглостью либеральной власти. 20 января 2002 года А. В. Власову исполнилось 70 лет. Он находился в больнице без обеих почек. Своих средств на операцию у него не было, а правительство Касьянова оплачивать операцию не желало. Больше того, когда по ходатайству старых сослуживцев Власова, просивших правительство проявить хоть какие-нибудь знаки внимания по случаю его юбилея, спустя неделю после дня 70-летия ему в больнице вручили почётную грамоту и, как в насмешку, “материальную помощь” — 2800 рублей.

Настоящая помощь пришла из Якутии, пересадку почки сделали, но операция не помогла, время было потеряно. Уход из жизни Александра Владимировича остался незамеченным для официальных властей и средств массовой информации. Случайностью это назвать нельзя. Власть либералов усиленно внедряла в сознание народа мысль, что советский период — это нелогичный зигзаг в Российской истории и его лучше всего забыть. Достижения властей новой России, начиная с 90-х годов и по настоящее время, в экономике

и социальной политике не выдерживают никакого сравнения с советским периодом. Конечно, в советское время было немало ошибок, но успехи многократно перекрывали неудачи. И именно это является основной причиной упорного замалчивания высокоэффективной, результативной деятельности народа в то время. Вынужденное для либералов забвение достижений СССР закономерно приводит к вымарыванию из истории имён руководителей, обеспечивающих эти успехи.

Известный актёр и кинорежиссёр Н. Михалков в одном из выступлений разъяснил жизненную позицию своего отца С. Михалкова, в соответствии с которой тот был на плаву при любой власти – от Сталина до Горбачёва. Его жизненное кредо простое: воспринимать существующее положение в государстве как данность. (Например, как наличие звёзд на небе, – моё понимание этой данности.) Иллюстрацией жизненной позиции С. Михалкова является его авторство трёх вариантов гимна СССР и России. Не приходится сомневаться, что, случись возвращение в страну монархии, поэт С. Михалков смог бы предложить и четвёртый вариант гимна, встроив в него фразу типа: “Боже, царя храни!”

Во время слома общественного строя в России жизненную позицию – воспринимать всё как данность – заняли многие представители советской элиты. Как назвать поведение этих людей: то ли это следование здравому смыслу, приспособление к упомянутой выше данности, то ли самая обычная беспринципность? Что касается А. В. Власова, то он своим принципам, которым следовал всю жизнь, изменять не стал, а правильнее сказать – не смог и не хотел. Ельцин, став председателем Верховного Совета РФ, предложил Власову должность своего заместителя. А. В. отказался, он не желал воспринимать изменившуюся ситуацию как данность. Причина отказа была одна – Ельцин не пользовался его уважением.

В памяти всех, кто знал Александра Владимировича Власова, он навсегда останется личностью сильной, цельной, талантливым руководителем, высокопорядочным человеком, одним из тех, кто своим самоотверженным трудом заложил основы благополучия современной России.